

Саяпин Владислав Олегович

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАК МАТРИЦА СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме возникновения глобального сетевого общества - принципиально новой ступени в социальной общности людей, где окружающий мир для человека все больше предстает так, как он представлен в этом сетевом обществе, новой социальной реальности - социальной виртуальности. Сетевое общество становится важнейшим социальным институтом, влияние которого активно распространяется на все стороны жизнедеятельности современных людей: поиск и оперативное получение информации из различных информационных ресурсов, общение, творчество, повышение квалификации, купля-продажа, развлечение и отдых и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 140-147. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Согласно имеющимся материалам была доказана вина и вынесены постановления по делам всех служащих Охранного отделения, арестованных в первые дни революции. Они находились под арестом до октября 1917 г.

19 октября в адрес Туркестанского комитета Временного правительства было отправлено Распоряжение Прокурора Ташкентского окружного суда Барановского *«об освобождении из под стражи распоряжением Генерального комиссара чинов бывшего охранного отделения, а также чиновника Броншина»* [2, д. 324, л. 53].

В результате работы комиссии был выявлен 21 провокатор до 1910 г. и 10 человек – в 1910 г.

Созданная по инициативе Временного правительства Комиссия по разработке архива Туркестанского охранного отделения преследовала своей целью выявление посредством изучения архива Охранного отделения тайных и явных агентов. Изучение архивных дел отделения должно было помочь «очистить» туркестанское общество от представителей тех профессиональных групп, которые в бытность имперской власти осуществляли карательную политику. Именно поэтому в первую категорию «вычищаемых» из нового общества попали представители Охранного и Полицейского отделений.

Список литературы

1. Туркестанские ведомости. 1917. 8 июня. № 123.
2. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 32.
3. ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1.

ACTIVITY OF COMMISSION TO REVIEW THE ARCHIVE OF TURKESTAN DEPARTMENT FOR PROTECTING PUBLIC SECURITY AND ORDER

Pugovkina Oksana Gennad'evna, Ph. D. in History
Institute of History of Uzbekistan Academy of Sciences
pugovkina@yandex.ru

The article discovers the history of the creation and activity of the commission to review the archive of Turkestan Department for Protecting Public Security and Order. The commission aimed to detect the former gendarmes of the Department, the secret agents and to make a decision on every identified case. The paper is written on the basis of the analysis of archival sources from the funds of Uzbekistan Central State Archive: minutes of the commission meetings, special resolutions on certain cases, personal evidences of the “former” employees of the Department.

Key words and phrases: February revolution; Turkestan; archive of the Department for Protecting Public Security and Order; commission to review archive; secret agents; sources.

УДК 101.1:316:004

Философские науки

Статья посвящена проблеме возникновения глобального сетевого общества – принципиально новой ступени в социальной общности людей, где окружающий мир для человека все больше предстает так, как он представлен в этом сетевом обществе, новой социальной реальности – социальной виртуальности. Сетевое общество становится важнейшим социальным институтом, влияние которого активно распространяется на все стороны жизнедеятельности современных людей: поиск и оперативное получение информации из различных информационных ресурсов, общение, творчество, повышение квалификации, купля-продажа, развлечение и отдых и т.д.

Ключевые слова и фразы: сетевое общество; глобализация; социальная виртуальность; виртуальная община; виртуальный субъект; виртуальная коммуникация.

Саяпин Владислав Олегович, к. филос. н., доцент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
vlad2015@yandex.ru

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАК МАТРИЦА СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ[©]

Сегодня понятие сетевого общества очень часто фокусируется в работах современных социальных исследователей, посвященных информационному обществу, а детальное освещение понятия сетевого общества принадлежит американскому исследователю М. Кастельсу. Свою концепцию о «сетевом обществе» [8], охватывающую практически все области человеческой деятельности, учёный рассматривает в широком контексте технологической революции и теории информационной эпохи. По мнению М. Кастельса, сегодняшние

современные тенденции приводят к образованию основ нового общества, которое он называет «сетевым обществом», и для его описания он обращается к метафоре «сеть». Важнейшим понятием его концепции становится новая социальная структура – «сетевая структура», которая создана «...сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство <...>. Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные преиндустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [9, с. 505].

Кроме того, исследуя новую социальную структуру, М. Кастельс приходит к осмыслению того, что она, прежде всего, связана с формированием глобальной, информационной¹, сетевой экономики, исторически сложившейся к концу XX столетия [15]. По мнению Кастельса, эта динамичная социальная структура открыта для инноваций, и в ней социальная морфология доминирует над социальным действием, так как перемены в современном обществе и власть зависят от принадлежности к той или иной сетевой структуре. Новая социальная реальность, по его мнению, обнаруживает себя как «пространство потоков»², состоящее из персональных микросетей, где осуществление интересов реализуется через глобальное множество взаимодействий в функциональных макросетях. Сетевые структуры адаптивны и подвижны, распределяя принятие решений и децентрализуя исполнение, они имеют существенные преимущества перед иерархическими формами.

Можно согласиться с выводом, сделанным М. Кастельсом, согласно которому сетевая структура – это комплекс взаимосвязанных социальных узлов (виртуальных общин), где конкретное содержание любого узла находится в зависимости от типа той конкретной сетевой структуры, о которой идёт речь [14, с. 232]. Так, например, к ним относятся «виртуальные общины» правительств различных европейских государств, когда речь идет об информационной социально-экономической сетевой структуре управления Европейским союзом, или, например, рынки ценных бумаг и центры их обслуживания, когда речь идет об информационной сети мировых финансовых потоков.

Социальные связи в таких виртуальных общинах определяются и устанавливаются через способность виртуальных субъектов (индивидов, использующих компьютер в своей деятельности и обязательно презентующих себя в сети Интернет) к виртуальным коммуникациям на базе общих социокультурных кодов, которые являются скрытыми основаниями для этих коммуникаций по всей матрице сетевой структуры общества. Само сетевое общество представляет собой открытую глобальную социальную сеть, которая может расширяться путем включения в нее новых социальных узлов – новых виртуальных общин, при условии, что они способны к виртуальным коммуникациям.

Итак, сетевое общество позволяет в своем виртуальном пространстве одновременно выстраивать социальные взаимодействия огромного количества виртуальных субъектов и виртуальных общин. Следовательно, открытость и альтернативность социальных процессов, происходящих в сетевом обществе, определяются открытостью и доступностью её социокультурных кодов. Включенность виртуальных субъектов в глобальную сеть обеспечивает им доступ к определённой информации, которую они способны дешифровать, где информационное сообщение выступает базовым социальным ресурсом современности, передающимся посредством виртуальных коммуникаций в пространстве сетевого общества.

Обусловленные финансовыми рынками, новейшими информационно-коммуникационными технологиями и тотальным нарастанием потоков информации, глобальный охват и динамизм социальной структуры сетевого общества делают его неограниченно расширяющейся социальной системой. Современное сетевое общество продолжает строиться вокруг информационных потоков, при этом активно задействует социальный капитал и развивает тем самым сотрудничество в виртуальных общинах в целях реализации их общих интересов [23]. Кроме того, социальный исследователь Р. Берт в своей научно-исследовательской работе «Социальный капитал и структурные дыры» (2001) осмысливает понятие коммуникационных размыканий (структурных дыр), которые обнаруживают себя на отдельных участках виртуального пространства в глобальной информационной сети. Однако существование отдельных виртуальных субъектов или «социальных брокеров» ключевых фигур его работ и нахождение их в уникальной позиции в сети позволяет «наводить мосты» поверх структурных дыр и создавать необходимые виртуальные коммуникации [21], что в итоге через виртуальную коммуникацию подобного брокера (носителя социальных контактов) приводит к сочленению и целостности социальной сети. Следовательно, любая позиция виртуального субъекта в социальной сети не существует сама по себе, она определена потоками движения информационных ресурсов, которые программируют и целенаправленно направляют информационный обмен (общение) между виртуальными субъектами.

В настоящее время интернет-технологии определяют новое «социальное лицо» (новое виртуальное пространство и новые электронные пути) современного общества так же, как когда-то железные дороги определяли «национальные рынки» и «экономические регионы» индустриальной эпохи. В современном обществе происходит фактически трансформация социальности [16] и возникновение новой модели социализации.

¹ Термином «информационная экономика» М. Кастельс подчеркивает, что для современной экономики информация не просто важна, но является фундаментальным источником производительности и власти.

² Под потоками М. Кастельс понимает целенаправленные повторяющиеся последовательности взаимодействий между социальными акторами, обменивающимися разными типами ресурсов (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами).

Так, по мнению исследователя Б. Велмана, сетевое общество становится обществом «... межличностных связей, обеспечивающих социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [13, с. 64]. Если ранее человеческое общество строилось исходя из привязанности человека к месту проживания и работе, то сегодня эти привязанности ослабевают, утрачиваются связи с локальными географическими общинами, и люди стараются реализовать личные потребности, опираясь на новые коммуникационные возможности. Эту модель построения сетевого общества М. Кастельс называет «сетевым индивидуализмом», персонализируемым сообществом [8, с. 38]. Так, по его мнению, в современном мире индивидуальность преобладает над «чувством общности», однако индивидуализм не сводится к социальной изоляции, и люди, живя в национальных государствах, стремятся к глобальной общности, к поиску «идентичности, устремленной в будущее» [22, р. 300-307].

По мнению Ф. Уэбстера, фундаментальные итоги исследований М. Кастельса являются наиболее успешным обобщением инноваций в традиции социально-философской теории модерна, идущей от Э. Тоффлера, Д. Гэлбрейта, Д. Белла, А. Турена [19]. Он удачно с помощью междисциплинарных подходов соединил исследования макро- и микроуровней и реализовал поистине многофакторный анализ. Этого оказалось достаточно для преодоления новых рубежей, но едва ли является достаточным для обозначения всей глубины происходящей трансформации в современном обществе.

Наряду с теоретическими исследованиями понятия сетевого общества М. Кастельсом, вызывает интерес осмысление этого понятия французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари [6]. В своих исследованиях они рассматривали строение сетевого общества как корневую систему (ризому). Понятие «ризомы» (от греч. *rhiza* – корень) было заимствовано ими из науки о растениях (ботаники), где оно обозначало такое строение корневой системы, в котором отсутствует стержневой корень, и его место занимает множество хаотически переплетающихся, непредсказуемых в своем развитии (направлении) и периодически отмирающих корешков.

В широком смысле, по их мнению, метафора «ризомы» может использоваться для объяснения устройства современной социальной реальности, в которой отсутствуют симметрия, централизация и упорядоченность. Метафора «ризомы» вначале была определена ими для обозначения образа новой культуры (культуры поверхности), а затем привела их и к пониманию образования социальной сети [24].

Однако в современной социально-философской литературе нет подобной метафоры, которая могла бы так отчетливо представить сущность сетевых технологий и в то же время показать их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна.

В дальнейшем Ж. Делез и Ф. Гваттари осмысливают ряд принципов организации ризомы-корневища, соотносимой с сущностью построения сетевого общества. Первый принцип, по их мнению, лежащий в основе устройства ризомы, – это «связь и гетерогенность», где всякая точка данной корневой системы связана с любой другой. В данном случае ризома не обладает начальным пунктом развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе, т.е. все её точки, независимо от их роли и положения, в том числе и связи между ними, равноправны. Именно это и происходит в сетевом обществе, где все участники виртуальных взаимодействий взаимозаменяемы и маршруты виртуальных коммуникаций между ними жестко не предзаданы, «...благодаря чему координация локальных операций и синхронизация финального результата достигается без центрального органа» [Ibidem, р. 7]. Децентрализацию Делез и Гваттари противопоставляют закрытым и центрированным системам, к которым, например, относится компьютер. Компьютер – это автономный модуль, где вся власть предоставлена памяти (центральному блоку), спроектированной по иерархическому принципу, и который в отдельности не является ризоматической системой.

Другой принцип, который отмечают в устройстве ризомы Делез и Гваттари, – это принцип «незначущего разрыва», т.е. корневая система может быть порвана в любом месте, но это не приносит значительного урона для целого. Здесь, несмотря на разрыв, участок корневища способен восстановить свой рост. С помощью этого принципа можно охарактеризовать функционирование современной сети Интернет, которая представляет собой многоканальную и разветвленную сетевую структуру, и в которой крайне сложно установить цензуру, блокаду определенных ее частей.

Следующий основополагающий принцип, который переосмысливают авторы, – это принцип «множественности». Делез и Гваттари подвергают критике принцип «единства во множественности», в котором множество неизбежно порождается дихотомией (раздвоением) единого. Они считают подобный подход невольным искажением понятия множества, так как единство самим своим понятием овладевает множественностью и истребляет его смысл. Единство (*notion d'unite*) как понятие возникает лишь тогда, когда совершается захват власти означаемым, единым во множестве [5, с. 136]. Здесь ризома трактует другое понимание множественности, которое не возникает из понятия единства, а напротив, стремится освободиться, избавиться от него. «Не достаточно сказать: “Да здравствует множественное!” Множественное – его нужно сделать, но не прибавляя каждый раз превосходящее измерение, а наоборот, наиболее простым способом, посредством умеренности на уровне измерений, которыми мы располагаем, всегда $n - 1$ (только так один составляет часть множественного, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из создаваемой множественности, всегда писать -1 после n » [Там же, с. 145]. Этот принцип приводит к значимости виртуальных коммуникаций в сетевом обществе, где безграничное количество векторов движения продуцируют сами себя и позволяют виртуальному субъекту соединяться со многими другими, которые, возможно, тоже соединены между собой, образуя тем самым глобальную паутину.

И, наконец, последний принцип, заложенный в основание устройства ризомы – это принцип «картографии и декалькомании». Делёз и Гваттари, опираясь на этот принцип, заявляют, что ризома – это карта со многими входами, а не механизм копирования. Сравнивая карту и кальку, они обращают внимание на то, что карта по своей природе подвижна, открыта и восприимчива к изменениям. Калька же, напротив, не способна к видоизменению, она не творит ничего нового и лишь копирует существующие линии и очертания. Картинка на карте никогда не может считаться завершённой, со сменой реальности меняется и её рисунок. В то же время калька только воспроизводит изображение, сканирует рисунок с готовой картинкой. Следовательно, карта, в отличие от кальки, не копирует социальную реальность, а проектирует её, вступает с ней «в схватку» [24, р. 7]. Аналогично ризоме сетевое общество – это принципиально незаконченное, неиерархическое, динамично развивающееся общество. В виртуальном пространстве этого общества нет фиксированных, именных векторов движения, оно скорее напоминает сеть степных дорог, которая непрерывно изменяет свою конфигурацию. Несомненно, что постоянные изменения сети не позволяют хотя бы на короткое время стать тождественной самой себе, что делает невыполнимым её калькирование. Сетевое общество – «это номадическое пространство – среда обитания кочевников, и подобно карте не может быть заключена в рамки какой-либо структурной или порождающей модели» [25, р. 87]. Используя систему гиперссылок, виртуальный субъект может хаотично странствовать в виртуальном пространстве этого глобального общества адекватно её хаотично выстроенной социальной структуре.

Делёз и Гваттари заставляют иначе посмотреть на строение сетевого общества и обращают внимание на то, что в этом обществе не может быть единства и не может быть организованной социальной системы.

Другой теорией, которая представляет ценность для осмысления современной модели сетевого общества, является концепция «философии действия» социального исследователя П. Бурдьё. Он предлагает свою архитектуру современного общества, где её социальное пространство включает в себя различные социальные поля (поле политики, поле экономики, поле религии и т.д.). Каждое социальное поле – это объективные связи (коммуникации) между различными позициями, находящимися в сотрудничестве или в конфликте друг с другом за овладение выгодами поля (обладание властью, интеллектуальными или экономическими ресурсами и т.д.) [2, с. 569]. В преломлении к сетевому обществу социальные поля – это социальные сети, которые, пронизывая друг друга, создают социальную виртуальность, что в конечном итоге и представляет наличную, актуализированную реальность.

Информация, по мнению Бурдьё, распространяется в социальной сети столь свободно, что позволяет предугадывать и упреждать ходы социальных агентов и, соответственно, позиционироваться им относительно друг друга внутри этой сети. Здесь появляется одна из важнейших категорий Бурдьё, габитус – место в сплетении разномерных сетей, которое потенциально может занять любой социальный агент. Заняв его, социальный агент обогащается индивидуальным статусом и коммуникационными выгодами, которых нет в других габитусах. Совокупное множество уникальных габитусов определяет в обществе структуру социальности, наличие классов и социальных практик [20, р. 52].

Индивиды в философии Бурдьё понимаются как социальные агенты¹, которые, по его мнению, предрасположены к собственной активности. Для функционирования социальной сети необходимы не только активные действия социальных агентов, но и наличие у них определенного габитуса – «системы стойких приобретенных предрасположенностей», которые позволяют им действовать в зависимости от той позиции, которую они занимают в этой сети [18, с. 17-18].

Особого внимания заслуживает и социально-философское осмысление сетевого общества немецким социальным исследователем Н. Луманом, считающим, что современное общество – это социальная сетевая система, основой которой, по его мнению, являются коммуникации, причем коммуникации, воспроизводящие сами себя, и которые формируются из простейших элементов – социальных событий. Следовательно, сетевое общество – это в некотором смысле аутопойетическая система, образовавшаяся из самовоспроизводящихся социальных событий.

Процесс связанности между собой социальных событий, а также их распад и порождение в социальной сетевой системе Луман обозначил понятием ««контингентности», означаям потенциал многообразных – причинных, структурных, случайных – предметных и смысловых связей» [25, р. 87]. Данным понятием Н. Луман старается пересмотреть классическое понятие каузальности, также как в свое время пересмотрели его и представители синергетического подхода – Хакен и Пригожий, и вводит представление о случайности, непредсказуемости в социальном мире и альтернативности социального бытия. В сетевом обществе, основанном на контингентности, легко формируются виртуальные коммуникации, которые существуют непродолжительное время и исчезают в момент свершения. То есть одним из основных факторов распада и зарождения виртуальных коммуникаций в сетевом обществе является время.

Синергетическая связанность виртуальных коммуникаций, на наш взгляд, является одной из важнейших характеристик (свойством социальной системы), существенно влияющей на возможное будущее по самоорганизации процессов в сетевом обществе. Такая связь виртуальных коммуникаций порождает и формирует сетевое общество, где случайность индивидуального поведения и статическая устойчивость коллективных структур составляют единство – динамическую стабильность всего того, что происходит в нем.

¹ Чтобы отойти от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности, Бурдьё в своих исследованиях вводит понятие агента в противоположность субъекту и индивиду [2, с. 570].

Возникновение социально-философских теорий сетевого общества и социальной коммуникации стало одним из важных событий в философской мысли XX в. На протяжении прошлого века, в особенности второй его половины, происходило активное теоретическое осознание закономерностей становления сетевого общества и возрастающей роли информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности людей. Философская интерпретация коммуникации различными социальными исследователями почти никогда не сводилась только лишь к проблемам, связанным с обменом информационными сообщениями. Например, социальную коммуникацию М. Бубер рассматривал как диалог между двоими, Т. Парсонс – как движение ресурсов внутри подсистем общества, Ж. Бодрийяр – как экономические обмены, К. Леви-Стросс и Р. Барт – как трансляцию мифов, Э. Гидденс – как обмен взглядами в уличной сцене, Ю. Лотман – как памятники и тексты культуры [12, с. 157]. Тем самым, в зависимости от толкования самого смысла общественной деятельности, социальные исследователи совершенно по-разному понимают содержание коммуникации. Но в их подходах к осмыслению коммуникации есть главное и общее – возникновение социальной виртуальности, образующейся в процессе виртуальной коммуникации, где виртуальные коммуникации трансформируют порядок и характер социальных связей и интеракций в сетевом обществе.

Теория сетевого общества определяет виртуальную коммуникацию как социальный контакт, как бинарную коммуникацию, как коммуникацию между передающей и принимающей сторонами, т.е. базовые понятия этой социальной теории интерпретируются в ключе коммуникативных событий (Н. Луман). Каждый социальный контакт включает в себя материальные устройства передачи текстов, а также виртуальных субъектов – участников коммуникации, владеющих определенным языком и выражающих смысл в рамках определенной семиотической системы.

Виртуальные субъекты в ходе социального контакта являются активными субъектами, что в дальнейшем предполагает налаживание между ними совместной деятельности и их влияние друг на друга, где роль посредника играют гипертексты, которые также обладают активностью и позволяют вести многосторонние виртуальные коммуникации. Мотивации вступления виртуальных субъектов в социальный контакт бывают различные, например, связанные с потребностями образовательной или профессиональной деятельности, или по причине дешевизны и удобства такого способа коммуникации.

Социальный контакт – это совокупность информационных сообщений, способных накапливаться, транслироваться, виртуализироваться и т.д. Социальный контакт есть смысловое взаимодействие или обмен смыслами между виртуальными субъектами. В сетевом обществе все становится потоком сообщений: политические события, наполнение личной жизни, явления культуры и т.д. На наш взгляд, информационное сообщение – это то, что сегодня определяет новую социальную точку зрения и новую понятность в социально-философском осмыслении сетевого общества. И здесь мы согласны с социальным исследователем А. В. Назарчуком, что в современности «ни статичное понятие института, ни индивидуализированное понятие действия, ни замкнутое понятие класса, ни абстрактное понятие “функциональной системы”, используемые классическими подходами, не могут более адекватно описать характер функционирования сетевого общества» [13, с. 70].

Современное общество трансформируется и теряет свои привычные традиционные формы. Составные элементы, из которых формируются социальные формы, становятся все меньше и самостоятельнее, а взаимоотношения между ними обнаруживаются более гибкими и мобильными. Как ответ на невозможность классических концепций предложить общепринятые идеальные модели и типы, применимые к современному обществу, появляется, например, теория структуризации, которая призвана объяснить произвольность и мобильность новых форм социальных практик [4, с. 58]. Эта теория предлагает подходы к творческому и свободному обращению исследователя со структурами и формами современного общества и, как правило, оперирует абстрактными структурами и формами. С такой точки зрения теория сетевого общества имеет перед теорией структуризации явное преимущество.

Теория сетевого общества устанавливает, что конечным социальным элементом является информационное сообщение, конституирующее это общество как систему. Сообщения в таком обществе определяют формы социальных трансформаций, транслируют социальную виртуальность в виде картинок на мониторе компьютера, а также легитимизируют виртуальных субъектов в их социальном статусе в результате межсубъектного взаимодействия. Здесь сообщения рассматриваются как семиотическая система, позволяющая описывать многоуровневый процесс производства и трансляции смыслов, но в которой наглядно проявляется различие между посланностью и общенностью текста (гипертекста). Послать любой текст не означает его сообщить (Мамардашвили), как и произнести любую фразу не означает войти в диалог (Бахтин). В данном случае текст только лишь потенциально включен в процесс виртуальной коммуникации. Для того чтобы текст в процессе виртуальной коммуникации обладал бы качеством сообщенности, он должен быть включен в пространство преобразования, а его коммуникационная среда должна быть интересубъективной, доступной другим виртуальным субъектам. Виртуальная коммуникация в данном случае понимается не как послание информации, а как непрерывно самовоспроизводящаяся смысловая избыточность, которая может адресоваться любому виртуальному субъекту как на индивидуальном, так и коллективном уровне.

Значительное влияние на осмысление теории сетевого общества оказало и выдвинутое основателем аналитической философии Л. Витгенштейном положение о множественности языковых игр [3]. Согласно этому положению, в разных ситуациях языковая деятельность регламентируется различными правилами. Субъекты коммуникации, используя правила «языковой игры» и фоновые знания о мире, вступают во взаимодействие, при этом они оперируют языком для достижения самых различных целей. Следовательно, языковые игры тесно связаны с поведенческой стратегией субъектов коммуникации, а сообщение непосредственно конституируется в процессе речевого акта.

Обращает на себя внимание то, что в современности рассмотрение многими исследователями понятия сетевого общества почти буквально совпадает с исследованиями ими понятия глобализации, которая становится существенным и ключевым эффектом в осмыслении этого общества. Глобализация трансформирует социальную реальность в новое качество, которое далеко не всегда можно объяснить действием новейших информационно-коммуникационных технологий. Но эти коммуникационные технологии, которые одновременно можно считать и сетевыми, лежат в основе сжимания пространства и времени, а также углубления взаимозависимости социального мира – важнейших параметров глобализации. Изучая глобализацию и общинные сети, современные исследователи на разных уровнях познают новые качества сетевого общества.

Помимо отмеченных концепций, обладающих важнейшей значимостью для социально-философского осмысления сетевого общества, существуют и другие теоретические разработки и оригинальные подходы, дающие плодотворные представления о сетевом обществе. Так, например, современные исследования позволяют представить социальную структуру сетевого общества в виде институциональной матрицы (от англ. *matrix* – матка, матрикс; *stencil* – трафарет, шаблон, образец), которая выступает в виде исходной, первичной модели базовых (экономических, политических и культурных, а точнее, идеологических¹) институтов, связанных между собой. Здесь базовые институты как исходные социальные структуры, взаимодействуя, обеспечивают существование и развитие сетевого общества. Так, по мнению социального исследователя С. Г. Кирдиной, «если исходить из марковского понимания общества не как совокупности индивидов, но как “суммы связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу” [11, с. 247], то базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях» [10, с. 115]. Отсюда матричный характер сетевого общества означает принципиальную невыполнимость кардинальной трансформации одного из базовых институтов в этом обществе без изменения всех остальных. Кроме того, в сетевом обществе базовые институты доминируют над институтами комплементарными (дополняющими). К комплементарным институтам в сетевом обществе можно отнести, например, дистанционные учебные программы, учебные материалы, справочные материалы, чаты, форумы, блоги, социальные сети и т.д. Комплементарные институты в сетевом обществе носят вспомогательный характер, обеспечивая его устойчивость и необходимую целостность виртуальной экономики, виртуальной политики и виртуальной идеологии в этом обществе.

Кроме того, матричный подход рассматривает морфологию сетевого общества для целей изучения и понимания в нем принципа солидарности и общинных взаимоотношений виртуальных субъектов, а также направленности и характера их поведения. Здесь осмысление сетевого общества базируется на понимании того, что данное общество построено (связано) в виде ячеистой, повторяемой социальной структуры. Аналогично рыболовной сети, построение этой социальной структуры сводится к повторяемости одной и той же ячейки, одного и того же элемента.

Принцип повторяемости позволяет современным исследователям комплексно изучать сетевое общество, охватывая большие виртуальные пространства этого общества. Подобно тому, как Дюркгейм характеризовал примитивные общества механистической солидарности, выстроенные по принципу повторяемости ячеек (деревень), которые могли обходиться без государства – скрепляющей политической силы. Как только сельские общины начали разрастаться и приобретать индивидуальные черты, они стали «размыкаться» и терять солидарность. Здесь уже потребовалось государство [7]. Безусловно, если бы в сетевом обществе была заложена возможность индивидуализации каждой ячейки, площадь охвата была бы намного меньше. Следовательно, «...за счет клонируемости ячеек обеспечивается единство, которое имеет матричную природу и, подобно операциям с матрицами, способно охватывать трансформации крупных массивов объектов» [13, с. 63].

Итак, сетевое общество – это не только виртуальные коммуникации и информационные сообщения, перемещающиеся по этим коммуникациям, это еще и виртуальные субъекты, и их социальные структуры – виртуальные общины, объединенные в большие однородные кластеры. Виртуальный субъект в сетевом обществе – это ключевой «узел» этой социальной, общинной сети, который может накапливать, обрабатывать, проектировать и формировать информацию, а значит, создавать новую реальность – социальную виртуальность. В сетевом обществе каждый виртуальный субъект ищет себе подобных, а найдя их, присоединяется к ним, к существующей виртуальной общине, или совместно с другими себе подобными создает новую виртуальную общину.

Сегодня в сетевом обществе не только общинная сеть объединяет виртуальных субъектов, но и виртуальные субъекты, включаясь в разные общинные сети, способны соединять и объединять эти сети. Современные общинные сети могут сжиматься и разворачиваться, открываться и закрываться, образовывать самые причудливые геометрии охватов, оперативно включать в свои общественные структуры новых виртуальных субъектов и освобождаться от них. Следовательно, осмысление сетевого общества обнаруживает себя привязанным к комплексному широкоформатному социальному исследованию, затрагивающему все значимые сферы бытия человека.

¹ Мы исходим из положений П. Сорокина и Т. Парсонса о несовпадении границ культурных и социальных систем (первые, как правило, гораздо шире), и развитие этих положений вычленяет в структуре общества идеологию как сферу, формирующуюся «на пересечении» культурного и социального. Здесь идеология понимается не как набор идей, содержащихся в головах людей, но как «институциональный срез культуры», как набор сохраняющихся правил и институтов, регулирующих спонтанное, неосознанное поведение людей в обществе друг относительно друга и по отношению к социуму в целом. Такое понимание развивает подход Л. Альтюссера, рассматривавшего идеологию как социальные процессы [1, с. 109], которые играют решающую роль в построении позиционной структуры общества и самоидентификации индивидов в этой структуре.

В настоящее время в сетевом обществе имеется множество направлений и сфер практического применения, что делает это общество неотъемлемой частью повседневной жизни большого числа людей, значимым субъектом изменения социальных практик. Новые сетевые практики, как виртуальные аналоги традиционных социальных практик, меняют все ключевые сферы общества в современности: экономику, политику, финансы, образование, масс-медиа, искусство, общение, досуг, организацию быта и т.д. Освоение людьми этих новых практик создает для них, как правило, социальные выгоды. Сегодня, например, на рынке труда наибольшие возможности имеет молодой человек со знанием компьютера и Интернета.

В рассмотренных социально-философских подходах (так или иначе сетевых) в осмыслении сетевого общества есть то общее, которое сосредотачивает свое внимание на новой социальной реальности – социальной виртуальности. Сетевой подход – это новый взгляд на социальную реальность, где социальная виртуальность выступает в качестве замещения объективной реальности или становится просто новой, не существующей ранее действительностью. Признаком такой виртуальности, как и любой другой искусственной виртуальности, является то, что она всегда присутствует в сознании дважды: первый раз – это сознание оператора (творца), опредмечивающего в артефакте (на экране монитора компьютера) некоторую информацию (свою версию реальности); второй раз она возникает при распределении, интерпретации, восприятию артефакта потребителем (реципиентом). Эта социальная виртуальность, возникающая в сознании потребителя (реципиента), может в принципе не совпадать с замыслами (образами) ее творца (автора). Такая социальная виртуальность, всегда являясь артефактом, презентует себя в сетевом обществе в форме картинки (гипертекста) на экране монитора и претендует на представление виртуального мира как реального, как замещающего реальный мир. Социальная виртуальность – это расширяющаяся, символическая виртуальность, где производство смыслов и установление между ними бесконечного множества числа связей приводят к возникновению смыслов следующих порядков: второго, третьего и т.д. Эта виртуальность по мере развития самого виртуального субъекта реализует свое содержание, т.е. производит сама себя.

Создание социальной виртуальности как нового пространства обитания человека – вот главная особенность, главное достижение наступившей информационной эпохи. Эта социальная виртуальность, конструируемая с помощью современных интернет-технологий, возникает на основе проективных человеческих смыслов. Она виртуальна в том плане, что за ней может стоять и нечто реальное, и фикция, и симулякр. Она реальна в том плане, что становится реальной социальной силой, влияющей на способ жизнедеятельности людей, их стиль повседневной жизни.

Таким образом, все это означает появление принципиально новой ступени в социальной общности людей. Сегодня нормой для человека становится виртуальная повседневная жизнь в сетевом обществе: поиск и оперативное получение информации из различных информационных ресурсов, общение, творчество, повышение квалификации, купля-продажа, развлечение и отдых и т.д. Для современного человека окружающий мир в новой социальной реальности – социальной виртуальности – все больше предстает так, как он представлен в сетевом обществе. Став главным и доступным средством массовой информации, сетевое общество приобрело целый ряд не свойственных другим средствам массовой информации функций и ролей. Сетевое общество, представляющееся самовоспроизводящейся структурой, создает новые смыслы, понятия и целый язык, на котором учит людей постигать и распознавать жизнь. Оно помогает людям планировать и строить свою жизнь, предлагает им общение и учит понимать других людей. Сетевое общество становится существенным социальным институтом, влияние которого активно распространяется на все стороны жизнедеятельности современных людей. «Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [17, с. 152].

Список литературы

1. **Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.** Социологический словарь / пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 420 с.
2. **Бурдые П.** Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
3. **Витгенштейн Л.** Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
4. **Гидденс Э.** Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. **Делёз Ж.** Логика смысла / пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
6. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Ризома // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск: Красико-Принт, 1996. С. 7-31.
7. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 576 с.
8. **Кастельс М.** Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
9. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
10. **Кирдина С. Г.** Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.
11. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 46: в 2-х ч. Ч. 2. 618 с.
12. **Назарчук А. В.** Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157-165.
13. **Назарчук А. В.** Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61-75.
14. **Новая постиндустриальная волна на Западе:** антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

15. **Саяпин В. О.** Виртуализация глобальной экономики в информационном пространстве современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 168-174.
16. **Саяпин В. О.** Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации // Философские традиции и современность. 2014. № 2 (6). С. 84-105.
17. **Сепир Э.** Коммуникация // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 209-216.
18. **Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас** / сост., пер. и вступ. ст. А. В. Леденёвой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 119 с.
19. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
20. **Bourdieu P.** Structures, Habitus, Practices // Bourdieu P. The Logic of Practice. Polity Press, 1990. P. 52-65.
21. **Burt R.** The Social Capital of Structural Holes // New Directions in Economic Sociology / ed. by M. F. Guillen, R. Collins, P. England, M. Meyer. N. Y.: Russel Sage Foundation, 2001. P. 201-246.
22. **Castells M.** The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 556 p.
23. **Coleman J. S.** Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95-120.
24. **Deleuze G., Guattari F.** A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. 610 p.
25. **Luhmann N.** Die Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, GmbH, 1992. 220 S.

NETWORK SOCIETY AS A MATRIX OF CONTEMPORARY STRUCTURE OF SOCIAL VIRTUALITY

Sayapin Vladislav Olegovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
vlad2015@yandex.ru

The article is devoted to the problem of the appearance of global network society – a principally new stage in the social community of people, where the surrounding world more and more appears for a man as it appears in this network society, new social reality – social virtuality. Network society becomes the most important social institute, the influence of which spreads extensively on all the spheres of the life activity of modern people: the search and operative acquisition of information from various information resources, communication, creativity, professional advancement, purchase and sale, entertainment and recreation, etc.

Key words and phrases: network society; globalization; social virtuality; virtual community; virtual subject; virtual communication.

УДК 111:165

Философские науки

В статье исследуется антропный принцип в научном познании. Цель статьи – раскрытие характера проявления антропного принципа в процессах научного познания. Рассмотрены возникновение, формирование и интерпретации антропного принципа. Показан широкий спектр позиций и оценок методологического и эвристического значения антропного принципа. Приведены аргументы, обосновывающие представление об антропном принципе как одной из форм реализации принципа антропоцентризма.

Ключевые слова и фразы: антропный принцип; научное познание; принцип антропоцентризма; наблюдатель; методология антропности.

Свитин Илья Александрович

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева
SvitinIA@yandex.ru

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ[©]

Формулировку антропного принципа или антропного космологического принципа (АКП) обычно связывают с тезисом, выдвинутым в 1973 г. английским физиком Брэндоном Картером [6]. Однако первые свидетельства использования антропных аргументов имеют отношение к другим именам и более ранним публикациям: например, к Р. Дикке, которым была предпринята попытка использования антропных аргументов для обоснования численных значений физических констант [12]. Как показал Ю. В. Балашов [2, с. 119], первым примером применения антропной аргументации к решению проблем космологии можно считать статью советского физика М. П. Бронштейна, датированную 1933 г., в которой автором сделано предположение относительно того, что для самой возможности наблюдать какое-либо событие необходимо наше существование, которое связано с наличием условий, в том числе существованием твердой планеты, нагреваемой излучением Солнца, и с некоторыми другими условиями [3, с. 13]. Кроме того, советским астрономом Г. М. Идлисом, характеризовавшим особенности наблюдаемой Вселенной, в 1958 г. было подмечено, что основные свойства наблюдаемой части Вселенной могут являться элементарным следствием того обстоятельства, что мы наблюдаем не произвольный

[©] Свитин И. А., 2016